

Лит. Россия. — 1997 — 1 авг. — с. 12

Неизвестный Шалаяпин

Протоиерея Бориса Старка открыл для меня кинорежиссер Юрий Николаевич Альдохин. Он сказал, что лучше него об отношении Шалаяпина к религии никто не расскажет и дал мне его ярославский адрес.

Борис Георгиевич Старк родился в 1909 году. Его отец — старший офицер крейсера «Аврора» — был верен присяге и после революции воевал у адмирала Колчака. В 1920-х годах он с трудом вывез свою семью из России. В эмиграции Борису Георгиевичу пришлось сменить много профессий, но давнее желание было — служить Вере. Так он стал дьяконом храма Александра Невского, который располагался неподалеку от парижской квартиры Шалаяпина.

Тем не менее мысль о возвращении в Россию никогда не покидала отца Бориса, но влиться в большой поток реэмигрантов 1946 года не удалось: на руках был больной отец. А затем наступил 1948 год, когда Сталин нарушил им же предложенный в 1943 году как бы конкордат между Православной Церковью и государством, когда храмы в СССР больше не открывались и вновь пошла волна арестов священников. Однако Борис Старк своим стремлением к возвращению в Россию (его отец к тому времени умер) в 1952 году преодолел все сталинские преграды и приехал на родину. Здесь он испытал обратную, не очень ныне рекламируемую сторону хрущевской «оттепели», в истории нашей Церкви этот период именуется как время хрущевских гонений 1956 — 1964 годов. Последние годы своей жизни протоиерей Борис Старк служил в городе Ярославле, где и скончался 12 января 1996 года.

Получив адрес отца Бориса, я 19 мая 1995 года обратился к нему с вопросом об отношении Шалаяпина к Православию в последние годы его жизни. В искренности веры Шалаяпина в казанский период его жизни сомнений не возникает, если прочесть с духовно просвещенным сердцем его первую книгу воспоминаний «Страницы

из моей жизни», — иного и не могло быть, так как Шалаяпин вырос в семье простых, искренне верующих крестьян, причем наибольшее влияние на религиозные взгляды оказал на Шалаяпина его отец.

Чтобы понять хорошо ответ отца Бориса на мой вопрос, нужно с помощью воспоминаний Шалаяпина «Маска и душа» обратиться к событиям 1927 года: они прямо связаны с религиозной жизнью певца.

В апреле 1927 года Шалаяпин идет в храм Александра Невского и просит своего духовника протоиерея Георгия Спасского освятить его квартиру. В церковном дворе у певца просят милостыню исхудавшие женщины в лохмотьях, но на беду у него не оказалось с собой денег. Этот случай запал в душу Шалаяпина, ему кажется: благодарность Богу в виде молебна на квартире будет недостаточной — он не дал помощи просящим.

Присутствовавший в этот день у Шалаяпина художник К.Коровин писал потом: «Во время молебна Шалаяпин пел сам. Пел столь вдохновенно, что казалось, сам Господь был перед ним в этой комнате. Служил отец Г.Спасский, который сказал за трапезой Шалаяпину: «Ваше вдохновение от благословения Господа»

Певец после молебна дает большую сумму денег (5000 франков) для помощи нуждающимся. Большую часть денег (3000 франков) о. Георгий решил распределить вне своего прихода, а потому и передал их в распоряжение владыки Евлогия, о чем и сказано в газетном отчете о. Георгия.

В Москве прочли этот отчет о пожертвовании Шалаяпина и больше всего возмущались тем, что певец доверил свои деньги церковным властям. Первым откликнулся пролетарский поэт В.Маяковский: в своем

стихотворении «Господин народный артист» он бичует певца за деньги, брошенные на дно «поповской шляпы», но больше всего Маяковский взбешен «евлогиевой паствой». Началась невиданная травля артиста в советской печати, в результате которой с Шалаяпина было снято звание народного артиста республики.

Отец Георгий пытался в печати защитить Шалаяпина, сам певец ходил к митрополиту Евлогию узнать, кому пошли его деньги. Нет, все правильно — по всем распискам деньги пошли на детей, «а я думаю, что трудно установить, какие дети белые, а какие красные», — с печальной иронией пишет Шалаяпин в воспоминаниях.

Горячо защищали певца и прихожане собора Александра Невского, среди которых был и Борис Георгиевич Старк — будущий дьякон этого храма, а впоследствии священник храма Успения Божией Матери при кладбище Сент Женеьев де Буа под Парижем. В 1938 году дьякон Борис принимает участие в отпевании Шалаяпина.

И после смерти певца о. Борис думает о Шалаяпине. Когда в 1946 году в Париж приезжает М.В. Шалаяпина, то священник предлагает ей перезахоронить прах Шалаяпина с французского кладбища Батиньоль на кладбище Сент Женеьев де Буа, которое уже стало русским пантеоном. Супруга Шалаяпина ответила совершенно неожиданно: «Я согласилась бы перезахоронить прах моего мужа только затем, чтобы отвезти его на Родину, в Россию». Опытный в юридической стороне перезахоронений о. Борис пишет в Москву И.Ф. Шалаяпиной, И.С. Козловскому и в общество «Родина», получает от дочери певца — согласие, от Козловского — обещание в содействии, от «Родины» — разрешение, последнее было

Федор ШАЛЯПИН

дано с согласия Сталина. Но из детей певца его младшая дочь Д.Ф. Шалаяпина свое согласие оговорила требованием выплаты компенсации ущерба за конфискацию имущества ее отца, это неприемлемо для советской стороны. Позднее она изменила условие: «Переvezут лишь тогда, когда русские снова задышат свободно».

1984 год. У нас — ни намека на перемены, но у Шалаяпина все необычно. Совершилось чудо: в фойе Большого театра — гроб с телом певца-эмигранта. Московская власть столь растерялась, что утеряла дар речи: по ее требованию передача тела Шалаяпина Москве проходила безмолвно, но звучал голос певца: «Я стражду, я плачу. Душа истомилась в разлуке» — в разлуке с Родиной... И вот я получил ответ от о. Бориса.

Анвер СЕДОВ

22-7-95 г.

Многоуважаемый Аvenir Константинович

Спасибо Вам за Ваше письмо. Прошу простить меня, что отвечаю с таким безобразным опозданием. Дело в том, что я очень сильно болен, и совсем нет сил да и времени, т/ак к/ак несмотря на мои немощи, я с утра и до вечера принимаю народ, едуший и идущий со всех концов света. А письма складываются на письменном столе и ждут своего часа, чтобы я смог на них ответить. Уж Вы на меня, старика, не сердитесь... Ведь мне как никак идет уж 87-й год, а от обострившейся старости, по словам графини Толстой, нет лекарств. Эта болезнь хуже всего поддается лечению.

Теперь перейду к Феодору Ивановичу Шалаяпину, который Вас так интересует. Он был человеком верующим, но как большинство старой интеллигенции, как говорят французы: «Не слишком практикующим». Его вера не была кормем всей его жизни, как была, например, у Шмелева и у большинства крестьян. Он посещал храм по праздникам, очень любил и хорошо знал церковную музыку и, бывало, подходил к клиросу и подпевал Архиерейскому хору под управлением Н.П. Афонского, большого знатока и мастера. Каждый год давал

в одной из парижских зал концерт с архиерейским хором: первую часть составляли вещи, где он пел с хором. Сугубая ектения Гречанинова, «Ныне отпущаеши» Строкина и еще многие песнопения, как рядовые, так и величественные и пасхальные. Второе отделение отдохнувший Ф/едор/ И/ванович/ пел один гражданские песни: «Эй, ухнем», «Дубинушку», арии Дона Базиллио из «Севильского цирюльника», арию Кончака из «Князя Игоря», «Элегию» Массне и другие вещи из своего репертуара. Обычно в первом ряду сидел глава Русской православной церкви за рубежом Митрополит Евлогий, духовник Ф/едора/ И/вановича/ отец Георгий Спасский и другие представители русской эмиграции. Зал всегда был набит до предела. Отношения с духовником, человеком очень опытным и значительным, были теплыми и постоянными. Помню, как-то Ф/едор/ И/ванович/ очень сильно заболел и захотел не только причаститься Святыи Тайн, но и пособороваться, т/ак/ к/ак/ допускал возможную кончину, о. Георгий пришел к нему, пособоровал и причастил, и... здоровье к Ф/едору/ И/вановичу/ вернулось, и он прожил еще несколько лет. Я не знаю, кто сменил о. Георгия как духовника Ф/едора/ И/вановича/ после смерти о. Г/еор-

гия/, но знаю, что он общался со священниками не просто из проформы, а по зову души. Про него ходило мнение, что он скупой и неохотно помогает бедным. Правда, что он не давал благотворительных концертов, как Собинов и многие другие артисты, но только после его смерти стало известно, как МНОГО он помогал из своих средств. Он сам говорил: «Вот говорят, что Шалаяпин скупой! Попробуйте не быть скупым, когда надо содержать двух жен и десять детей». Действительно, он продолжал помогать своей первой жене итальянке Торнаге, оставшейся жить в Москве со старшей дочерью, а также своим другим двум дочерям и двум сыновьям от первой жены, он помогал регулярно и кроме того содержал вторую жену Марию Валентиновну и трех дочерей от нее и еще двух ее детей от ее первого мужа, итого две жены и десять детей. Но когда же он умер, стало известно то, что он тщательно скрывал из скромности. Как много он помогал артистам, сколько давал в комитет помощи студентам, и другие его добрые дела, которые он делал так, чтобы правая рука не знала, что делает левая. Я не имел возможности лично общаться с Ф/едором/ И/вановичем/, т/ак/ к/ак/ был слишком молод и терялся среди маститых

и опытных батюшек, поэтому не могу ответить на многие Ваши вопросы. Что касается органной музыки, то хотя это не характерно для православия, но кощунством не является, и поэтому в монастырях можно было встретить фисгармонию, под которую монахи проводили спевки церковных хоров.

Возможно, мог бы Вас сказать еще что-либо, что могло бы Вас заинтересовать, но весь день провозился с народом и очень устал: и руки не шевелятся, и мозги плохо соображают, а надо еще написать пять поздравлений Ольгам, чьи именины через два дня, а я до сих пор не смог выкроить минутки, чтобы написать эти поздравления.

Да хранит Вас Господь Бог! Простите за краткость, но старость не дает сил на большее. Да хранит Вас Господь Бог! Ф/едор/ И/ванович/, к которому Вы ощущаете такую пиетет, был первым человеком, в отпевании которого я принимал участие после моего рукоположения. Я был дьяконом, и наши маститые диаконы и протодиаконы боялись, что я не попаду в тон, произнося ектении. Поэтому мне дали в руки кадило и, пока они читали ектении, я только кадил гроб со всех четырех сторон. С искренним уважением

Протоиерей
Борис СТАРК